

Трансформация культурного концепта «девиация» в эпоху глобализации

А. Ю. Чукуров^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Чукуров, А. Ю. (2019) Трансформация культурного концепта «девиация» в эпоху глобализации. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 1, № 1, с. 15–20. DOI: 10.33910/2687-1262-2019-1-1-15-20

Получена 6 марта 2019; прошла рецензирование 20 марта 2019; принята 24 апреля 2019.

Права: © Автор (2019).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению причин трансформации смыслового наполнения концепта «девиация» в XXI в. Актуальность представленного материала обусловлена глубинными социокультурными трансформациями, определяемыми понятием «субкультурный взрыв», коренным образом изменяющим представления о «норме» и «девиации» в современном обществе. Активизация миноритарных культур за последние годы поставила под сомнение правомерность использования определения «девиантный» по отношению к тем или иным моделям поведения, произведениям искусства и т. д. В условиях «субкультурного взрыва» мы имеем дело с нарастающим конфликтом аксиосфер. Каждая миноритарная культура предлагает свою систему ценностей и моделей поведения, определяя ее как единственно правильную. Кроме того, эпоха глобализации стимулирует рост миграционных потоков, что в свою очередь также выводит понятие «девиация» за пределы научной рефлексии в связи с нарастающей мозаичностью социокультурного пространства. В данных условиях под вопросом оказывается и понятие «нормы». Опираясь на разработанные к сегодняшнему дню классификации девиантного поведения, мы анализируем каждый его вид в контексте современной культуры, показывая крайнюю степень относительности понятия «девиация». В данной статье мы последовательно останавливаемся на таких видах девиантного поведения, как агрессивное поведение, делинквентное, зависимое и суицидальное поведение. Девиантность несет в себе не столько деструктивное начало, сколько указание на необходимость изменения культурной составляющей общества, предоставляя альтернативу общественным нормам и расширяя культурные границы. Сегодня мы можем определять как девиантное лишь то поведение, которое входит в противоречие с существующим законодательством. Иными словами, в современной культуре остается действенной лишь «юридическая норма», которая сама по себе также не должна оставаться неизменной, а следовать запросу миноритарных культур до тех пор, пока не будет исключена сама возможность неравенства тех или иных субкультур по отношению друг к другу и властным структурам.

Ключевые слова: норма, девиация, субкультуры, миноритарные культуры, глобализация, агрессивное поведение, делинквентное поведение, зависимое поведение, суицидальное поведение.

The cultural concept of “deviation” and its transformation in the age of globalisation

A. Yu. Chukurov✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Abstract. The article discusses the reasons for change in the semantic content of the “deviation” concept in the 21st century. The relevance of the presented material is substantiated by the deep socio-cultural transformations that are defined by the notion of “subcultural explosion”. It is this phenomenon that has radically altered the concepts of “norm” and “deviation” in modern society. The rise of minority cultures in the recent years has challenged the legitimacy of applying the definition of “deviant” in relation to certain patterns of behaviour, works of art, etc. In a “subcultural explosion” we are dealing with a gathering conflict between value systems. Each minority culture offers its own system of values and behaviours, positioning it as the only correct one. In addition, the era of globalisation stimulates the flow of migration, which, in turn, also takes the concept of “deviation” beyond the limits of scientific reflection due to the increasing mosaic-like diversity of the socio-cultural space. Under these conditions, the concept of “norm” is also challenged. Based on the classification of deviant behaviour, we analyse each of its views in the context of modern culture, demonstrating the extreme degree of relativity of “deviation” as a notion. In this paper we consistently focus on such types of deviant behaviour as aggressive, delinquent, dependent and suicidal behaviour. Deviance is not merely a destructive element, but it is also an indicator of the need for change in the cultural component of society providing an alternative to social norms and expanding cultural boundaries. At present, the only type of behaviour that can be defined as deviant is that which contradicts the existing legislation. In other words, in modern culture the only “norms” that remain effective are legal norms. However, they should also be adjusted upon the demand of minority cultures until the very possibility of inequality or discrimination is excluded.

For citation: Chukurov, A. Yu. (2019) The cultural concept of “deviation” and its transformation in the age of globalisation. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–20. DOI: 10.33910/2687-1262-2019-1-1-15-20

Received 6 March 2019; reviewed 20 March 2019; accepted 24 April 2019.

Copyright: © The Author (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Keywords: norm, deviation, subcultures, minority cultures, globalisation, aggressive behaviour, delinquent behaviour, dependent behaviour, suicidal behaviour.

Введение

Сегодня мы оказались в самом эпицентре мощнейшего субкультурного взрыва, когда еще недавно миноритарные субкультурные движения и объединения оказываются не просто в русле легитимного мейнстрима культуры, но все чаще выступают в роли «gatekeepers» культуры. Когда-то Э. Тоффлер писал:

«Сегодня сокрушительные удары супер-индустриальной революции буквально раскалывают общество. У нас увеличивается число этих социальных анклавов, групп и мини-культур почти так же, как число моделей автомобиля. Те же самые дестандартизирующие силы, которые создают бóльший индивидуальный выбор продуктов и произведений культуры, дестандартизируют и наши социальные структуры» (Тоффлер 2002, 311).

Именно он ввел понятие «субкультурный взрыв» и подчеркнул, что процесс самоидентификации личности будет определяться именно

такого рода объединениями.

В этой связи новое звучание обретает и проблема смыслового наполнения концепта «девиация», поскольку мы имеем дело с нарастающим конфликтом аксиосфер. Миноритарные культуры не входят в некий союз, направленный против существующей системы властных отношений или, как можно было бы предположить, против гетеронормативного патриархального общества, да и вообще против какого-либо общего «врага»: каждая миноритарная культура предлагает свою систему ценностей и моделей поведения, определяя ее как единственно правильную. В этой связи весьма характерным становится нарастающий конфликт между трансгендерами и радикальными феминистками в англо-саксонской культуре, очевидным маркером которого стало требование трансгендеров снять плакаты, выпущенные к феминистскому конгрессу, на которых всего-то и была цитата

из словаря, где женщина — существо женского пола — определялась таковой по рождению. Разумеется, такой подход и подобное словарное определение может рассматриваться, как оскорбляющее чувство трансгендеров. Таким образом, вместо территории бесконечных свобод, мы входим на территорию острых перманентных конфликтов, определяемых принципиально различным пониманием того, что есть «норма» и «девиация». Это не некое краткосрочное состояние умов — это коренная характеристика современной культуры, а значит, и ситуация эта продлится неизмеримо долго.

Девиантное поведение в контексте современной культуры

Анализируя природу девиаций, исследователи выявляют три группы факторов, определяющих отклоняющуюся модель поведения:

- биологические;
- психологические;
- социально-психологические.

В дальнейшем обратимся к работе Е. В. Змановской, хотя она и объединяет биологические и психологические факторы в одну группу. Но в ее работе нас интересует другая классификация. Это классификация видов девиантного поведения. Е. В. Змановская (Змановская 2004) выделяет:

- агрессивное поведение;
- делинквентное поведение;
- зависимое поведение;
- суицидальное поведение.

Данная морфология представляется максимально полной. Поскольку у нас нет задачи выработать свою собственную, то в дальнейших рассуждениях мы будем опираться именно на работы Е. В. Змановской и рассматривать каждый вариант девиации с точки зрения как исторического процесса, так и современной культуры. Таким образом, станет понятно, почему сегодня понятие «девиантное поведение» может быть поставлено под вопрос с точки зрения правомерности существования самого концепта в современном социокультурном пространстве и гуманитарной науке.

Итак, первый вид поведения, классифицируемого как девиантное, — это агрессивное поведение. Агрессия важна в процессе социализации и не всегда однозначно определяется как патологическая или разрушительная. По этой причине выделяются два ее вида: доброкачественно-адаптивная и деструктивно-дезадаптивная. Вспомним, что для ряда культур на различных исторических этапах агрессия

вообще являлась частью нормы: маскулинные культуры стран Ближнего Востока включают агрессивное поведение в процесс социализации ребенка. Агрессия нередко носит оборонительный характер и служит выживанию, также она выступает источником активности индивида, реализацией его творческого потенциала и стремления к достижениям. Когда мы анализируем социокультурную ситуацию эпохи глобализации, то, определяя агрессивность как некую девиацию, должны учитывать усиление миграционных процессов и очевидное несоответствие аксиосфер европейского населения и выходцев из стран Африки или Ближнего Востока.

Также необходимо иметь в виду «многослойность» складывающейся картины: мигранты могут быть изначально носителями моделей поведения, классифицируемых европейцами как девиантные, также те или иные «девиантные» состояния могут возникать ситуативно, как следствие дистресса, объясняемого, например, фрустрацией, переживаемой мигрантами. Кроме того, подобные «девиантные» состояния могут возникать и у представителей принимающей стороны, также находящихся в состоянии дистресса. И тем и другим в равной степени приходится выработать механизмы адаптации к новым, стремительно меняющимся условиям взаимопроникновения культур.

Психиатры сформулировали понятие «культурно-связанный синдром». Он выражается в поведенческих практиках, которые являются результатом изменения ментального состояния человека и выходят на поверхность именно в ситуации дистресса.

«Особого внимания в культурно-определяемых синдромах заслуживает тот факт, что, несмотря на традиционные верования, лежащие в основе “патологических” манифестаций, их проявления и, возможно, возникновение происходит при столкновении представителей совершенно разных традиционных сообществ с культурными объектами, социальными нормами, жизненными ценностями современного мира и их носителями» (Шахал 2017).

Те или иные психосоматические состояния возникают лишь в ситуации интеракции и могут вообще никак не проявляться в естественных условиях обитания. Очевидно, что в европейском культурном пространстве количество «девиантных» — с точки зрения традиционной психиатрии и обыденного сознания — состояний в ближайшие годы резко возрастет. Аналогичным образом ситуация складывается и в России, где вид на жительство получает в среднем не более 200 тыс. человек ежегодно, а всего мигрантов,

приезжающих на заработки (легальных и нелегальных) более 10 млн. Это означает, что только 200 тыс. человек российской культура в состоянии социализировать и адаптировать, т. е. органично включить в свое пространство. Остальные же 10 млн будут это пространство адаптировать «под себя». Одновременно мы должны иметь в виду, что психические состояния являются культурно-детерминированными, а значит, вправе поставить под сомнение валидность психических диагнозов и полностью пересмотреть содержание понятия «девиантное поведение». Сегодня мы должны задаться вопросом: насколько агрессивное поведение может классифицироваться как девиантное в сложившихся обстоятельствах?

Следуя классификации Е. В. Змановской, пойдем дальше и коснемся следующей формы девиации — делинквентного поведения. Прежде всего, делинквентное поведение — это антиобщественное (отклоняющееся) противоправное поведение индивида, которое может нанести вред окружающим.

Однако нам необходимо помнить, что «отклоняющееся поведение» — это, с одной стороны, сигнал системе, указание на ее несовершенство и недостаточность, а с другой — стимулирование социокультурной динамики. Девиация указывает на несоответствие системы культурным нормам личности. Если моделей поведения, которые традиционно квалифицируются как девиантные, становится все больше, значит, должна меняться система, а не модели поведения (Чукуров 2015, 145–149; Чукуров 2016, 72–76). С точки зрения криминологии и классической психологии подобного рода отклоняющееся поведение — результат воздействия неблагоприятной среды. Чем хуже социально-экономическая ситуация, тем больше вероятность формирования девиаций, поскольку они выступают механизмами самоадаптации. Радикальные политические течения практически полностью выстраиваются на подобной модели поведения, поскольку их задача — расшатать общество. И здесь мы снова можем вспомнить ведущую тенденцию современности — расцвет и даже победу миноритарных культур. В этой связи мы вправе задаться вопросом: какое поведение может быть классифицировано как делинквентное сегодня? Или точнее, вопрос должен ставиться иначе: это общественные нормы не соответствуют требованиям современности или поведение является отклоняющимся? Так, в частности, те же субкультуры мигрантов давно перестали быть миноритарными и уже трансформировали культуру принимающей стороны самим фактом своего существования

и «попадания» в иное социокультурное окружение. Представляется, что программы адаптации мигрантов, коих сейчас довольно много, должны быть направлены не только на адаптацию мигрантов, но и на адаптацию принимающей стороны к новым условиям существования.

Согласно морфологии Е. В. Змановской, следующим видом девиантного поведения является зависимое поведение. Речь в данном случае идет о злоупотреблении чем-либо. И здесь весьма широкая вариативность — от лекарственных препаратов до еды. То есть мы говорим о широком спектре зависимостей, куда попадает и наркомания, и пищевые расстройства, и алкоголь и пр.

И тут мы выходим среди прочего, например, на весьма специфический тренд современности — это бодипозитив (от англ. Body Positive). Это движение, цель которого — побудить людей принимать тело таким, какое оно есть. Оно выступает под девизом «мое тело — мое дело». Представители движения считают, что общество должно научиться принимать людей с лишним весом и иными «отклонениями» от общепризнанной нормы. Речь, прежде всего, идет о тех, кто попал в аварию и потерял руку или ногу, о людях, которым в лицо брызгали кислотой, о женщинах после мастэктомии, о кастрированных мужчинах. Странники бодипозитива активно обсуждают вопросы телесности и репрезентации тела в художественном творчестве, интернет-коммуникациях, средствах массовой информации. Необходимо отметить, что представители этой субкультурной группы отличаются крайней агрессивностью, что не раз демонстрировали тем, кто рисковал вступить с ними в дискуссию, — в силу отсутствия аргументов они мгновенно переходят на оскорбления оппонентов. Также представители данной группы весьма резко реагируют на критику в свой адрес, порой ситуация может принять плачевный характер для человека, который вступил в конфронтацию с представителем данной группы людей. Бодипозитив фактически исключает, например, такие вещи, как диета. Тем самым он открывает дорогу любым пищевым зависимостям, раз уж мы отрицаем какие-либо каноны красоты. Вне всяких сомнений, бодипозитив идет в русле центральной идеи современности: человек существо слабое и не должен бороться с собой.

Если мы обратимся к вопросу о психотропных веществах, то и здесь наткнемся на проблему, заставляющую нас усомниться в корректности включения подобной поведенческой стратегии в контекст девиантного поведения. В частности,

мы помним, что в ряде культур — как сегодня, так и в прошлом — активно прибегали к практикам расширения сознания. Это, например, культура растафариянства с употреблением каннабиса. Это религиозные практики древности, предписывавшие употребления подобных веществ для сближения с богами. Аналогичные практики мы встречаем в шаманизме. Не будем перечислять все исторические примеры — они и без того хорошо известны широкой публике. Сегодня мы видим, что марихуана оказывается легализована даже там, где всегда была запрещена. Если к либеральной Голландии мы все давно привыкли, то теперь на этот путь встали и США.

Человек в силу особенностей психофизиологии склонен к тем или иным видам зависимости. В конце концов, коллекционирование — это та же зависимость, на которой сегодня делает деньги игровая индустрия, выпуская все новые и новые коллекционные карточные игры, сочетающие в себе игровое начало и страсть к коллекционированию. На телеканале TLS долгое время выходил документальный сериал «Мои странные зависимости», каждая серия которого представляла публике ту или иную экзотическую зависимость (розовый цвет, поедание поролон, коллекционирование кукол и т. д.). Таким образом, зависимости очень тесно переплетаются с нашей жизнью и что же тогда позволяет нам определять их как девиантное поведение? Степень деструктивности? Весьма сомнительно.

Абсолютно та же история с четвертой формой девиации — суицидальным поведением. Для начала определим, что суицидальная активность возрастает с 14–15 лет. Разумеется, существует несколько подходов к анализу суицидального поведения и его причин. Так, социологический подход указывает на принципиальную важность социальных условий — это и внутрисемейная ситуация, и нестабильная социально-политическая обстановка, провоцирующая неуверенность в завтрашнем дне, и т. д. Психиатрия и психопатология однозначно объясняют попытки суицида психическими расстройствами и ментальными особенностями личности. В частности, причиной может быть депрессивное состояние.

Однако и здесь не лишним будет вспомнить историческую эволюцию феномена суицида. И вновь мы имеем дело с религиозными практиками, обращавшимися к ритуальным добровольным жертвам. А уж о феномене сэппуку сегодня знают все, кто хотя бы в самых общих чертах представляет культуру Японии. Совершенно очевидно, что для самурая сэппуку вовсе

не было девиацией. Воин, совершая сэппуку, демонстрировал свое мужество перед лицом боли и смерти и чистоту своих помыслов перед богами и людьми. Официальное применение сэппуку было запрещено в XIX в., после реформации Мэйдзи. Однако данный феномен нередко встречался и в XX в. и получал одобрение нации, создавая вокруг применивших сэппуку лиц ореол славы и величия.

Впрочем, если отойти от экзотических феноменов японской культуры и обратиться к философскому направлению либертарианского трансгуманизма, то там мы найдем концепт «самопринадлежности», содержащий центральный посыл: тело — это инструмент, хозяином которого выступает сам человек, и как владелец этого инструмента он имеет право как на самосовершенствование, так и на деконструкцию.

Выводы

Девиантное поведение — это гарантия поступательного развития общества. Оно расшатывает укоренившиеся традиции, вынуждая общество искать новые горизонты и перспективы. Один раз возникшая «девиантная» поведенческая стратегия навсегда меняет устои. Как показывает история, девиантные поведенческие стратегии способны кардинально изменить мир. Достаточно вспомнить историю распространения христианства в Римской империи — девиантные религиозные практики трансформировали весь культурный тип.

Д. Мацумото указывает:

«Клиницисты оценивают девиантное поведение и поведение, обусловленное психическим расстройством, отталкиваясь от моделей, усвоенных ими в процессе обучения... и профессионального опыта, приобретенного в рамках конкретных условий или контекста наблюдения. Идентификация, описание, категоризация и разработка плана лечения представляет собой сложный социально-культурный процесс» (Танака-Мацуми 2003, 428).

Мы говорим о том, что именно некие общепринятые культурные ценности фактически определяют, является ли поведение девиантным. Причем происходит это не только на уровне обыденного сознания, но и на уровне профессиональных оценок. «Изучая расовые различия в психиатрической диагностике, Уэйли отмечает, что вопросы диагностики связаны с одним из двух моментов: а) гипотезой о наличии предубеждений клинициста или б) гипотезой культурной относительности» (Танака-Мацуми 2003, 429). Речь идет опять же о культурной

детерминированности работы психиатров, которые руководствуются, прежде всего, существующими представлениями о норме и девиации в данной культуре.

Очевидно, что девиантность несет в себе не столько деструктивное начало, сколько направленность на изменение культурной составляющей общества, предоставляя альтернативу общественным нормам и расширяя культурные границы. Но не менее очевидно и другое: понятие «норма» становится все более и более относительным, а ведь оценить то или иное поведение как «девиантное» мы можем, лишь имея перед глазами критерии «нормы». Если

таковых нет, то нет и девиации. Таким образом, сегодня мы можем определять как девиантное лишь то поведение, которое входит в противоречие с существующим законодательством. Иными словами, в современной культуре остаются действенными только «юридические нормы». Все иные модели поведения, не нарушающие формальной юридической практики, не могут считаться девиантными. При этом само законодательство должно следовать запросу миноритарных культур до тех пор, пока не будет исключена сама возможность неравенства тех или иных субкультур по отношению друг к другу и властным структурам.

Литература

- Змановская, Е. В. (2004) *Девиантология (Психология отклоняющегося поведения)*. М.: Академия, 288 с.
- Танака-Мацуми, Ю. (2003) Патопсихология и культура. В кн.: Д. Мацумото (ред.). *Психология и культура*. СПб.: Питер, с. 423–459. (Мастера психологии).
- Тоффлер, Э. (2002) *Шок будущего*. М.: ООО «Издательство АСТ», 557 с.
- Чукуров, А. Ю. (2015) Конструирование телесности как механизм самоконтроля. *Общество. Среда. Развитие*, № 3, с. 145–149.
- Чукуров, А. Ю. (2016) Homo Lego: человек-конструктор (к постановке проблемы). *Общество. Среда. Развитие*, № 2, с. 72–76.
- Шахал, А. (2017) Транскультурная психиатрия: критический обзор. *Лаборатория интеллектуального сопротивления*. [Электронный ресурс]. URL: <http://laborint.ru/biblioteka/sh-amin-transkulturnaya-psihiatriya/> (дата обращения 01.07.2019).

References

- Chukurov, A. Yu. (2015) Konstruirovaniye telesnosti kak mekhanizm samokontrolya [The construction of physicality as a mechanism of self-control]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie — Society. Environment. Development*, no. 3, pp. 145–149. (In Russian)
- Chukurov, A. Yu. (2016) Homo Lego: chelovek-konstruktor (k postanovke problemy) [Homo Lego: the person — construction set (to the statement of the problem)]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie — Society. Environment. Development*, no. 2, pp. 72–76. (In Russian)
- Shahal, A. (2017) Transkul'turnaya psikhiiatriya: kriticheskij obzor [Transcultural psychiatry: a critical review]. *Laboratoriya intellektual'nogo soprotivleniya [Laboratory of intellectual resistance]*. [Online]. Available at: <http://laborint.ru/biblioteka/sh-amin-transkulturnaya-psihiatriya/> (accessed 01.07.2019). (In Russian)
- Tanaka-Matsumi, J. (2003) Patopsikhologiya i kultura [Abnormal psychology and culture]. In: D. Matsumoto (ed.). *Psikhologiya i kul'tura [The handbook of culture and psychology]*. Saint Petersburg: Piter Publ., pp. 423–459. (Masters of psychology). (In Russian)
- Toffler, E. (2002) *Shok budushchego [Future shock]*. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST» Publ., 557 p. (In Russian)
- Zmanovskaya, E. V. (2004) *Deviantologiya (Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya) [Deviantology (Psychology of deviating behavior)]*. Moscow: Akademiya Publ., 288 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Андрей Юрьевич Чукуров, e-mail: achukurov@yandex.ru

Кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Andrey Yu. Chukurov, e-mail: achukurov@yandex.ru

Candidate of Sciences (Culturology), Assistant Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia